

Раздел I
СТАТЬИ И ИССЛЕДОВАНИЯ

С. П. ЛЕБЕДЕВ

**К ПРОБЛЕМЕ ПЛАТОНОВСКОГО УЧЕНИЯ
О СУЩНОСТИ ПРОСТРАНСТВА
И ПРИРОДЕ ПРОСТРАНСТВЕННЫХ
ИЗМЕРЕНИЙ**

Есть в философии понятия, которые никак нельзя назвать «удобными» для логической обработки и которые во все времена доставляли мыслителям немало хлопот. Они «неудобны» либо в силу своей первичности, либо из-за своей потусторонности для разума, или же по той и другой причине одновременно. К числу таких «неудобных» и до сих пор малопонятных для мышления объектов относится пространство. И это не слишком большое преувеличение, поскольку наши представления о пространстве касаются главным образом только его *проявлений* (а не его самого), да к тому же проявлений по преимуществу *физического* характера.

Известно, что основным топологическим свойством физического пространства считается его трехмерность. Об этом свидетельствует наш опыт. Хотя возможно и то, что пространство выступает носителем другого количества измерений. Маргенау писал, что вывод о трехмерности пространства основывается лишь на нашей интуиции, а на самом деле размерность пространства может быть различной и представляет собой просто минимальное число параметров, требующееся для описания определенного отношения.¹ Мысль справедливая, если, конечно, к многомерности пространства подходить не только как к теоретической конструкции.

Исследователи задают себе вопрос: могут ли в пространстве (предполагая, что «наше» пространство трехмерно) существовать предметы, имеющие не три, а более измерений? На этот вопрос приходится

¹ *H. Margenau*. The Nature of Physical Reality. New York, 1950. P. 155.

© С. П. Лебедев, 2002

отвечать положительно, имея в виду, что иномерные предметы, если таковые есть, будут вести себя несколько необычно в сравнении с трехмерными. Если же такие предметы все-таки есть, то какой должна быть сущность пространства, чтобы оно могло вместить в себя n -мерные вещи (трехмерные и иномерные одновременно)?

Между тем приходится признать, что такие предметы и в самом деле есть и они представляют собой не только математические конструкции, но и факты нашего опыта. Под этим углом зрения стоит взглянуть на элементы духовно-душевной жизни.

Психическое, к примеру, без сомнения, находится в трехмерном физическом пространстве, поскольку связано с жизнедеятельностью того или иного физического тела. Но само психическое явно не трехмерно, хотя какие-то измерения оно, конечно, имеет. Так, воображаемый зрительный образ какого-нибудь трехмерного предмета, допустим, человеческого тела, мы можем представить объемным, но само представление о нем не будет трехмерным. В крайнем и худшем случае можно допустить его двухмерность, плоскостной, экранный способ существования. А сколько измерений имеют находящиеся в пространстве ощущения сладкого, боли (в любом ощущении имеют место те или иные количественные характеристики), человеческое мышление и умственная способность в целом? Ведь ум конкретного человека не то чтобы не находится в пространстве, он просто *не подчиняется законам* трехмерности и потому порождает иллюзию полной внепространственности своего бытия. Для того чтобы ум и идеи существовали в n -мерном пространстве, им необходимо иметь хотя бы одно из измерений последнего, или, если ум и идеи совершенно лишены размерности, само пространство, наряду с n -мерностью, должно иметь возможность быть 0-мерным.²

²Есть ли место у идей и у самого ума? Должно быть, хотя бы потому, что ум находится либо в трехмерном пространстве, либо *вне* его. Но и в последнем случае это «вне» указывает на какое-то место. Есть в диалоге «Тимей» весьма любопытное рассуждение, где Платон говорит о том, что чистое пространство представляет собой ту среду, которая должна принимать в себя отпечатки вечно сущих идей. Это предположение представляется весьма трудным для интерпретации, если, конечно, не делать вид, что здесь все понятно. То, что пространство должно принимать в себя отпечатки идей, можно понимать так: пространство и идеи для производства отпечатков должны взаимодействовать, т. е. иметь что-то общее, единое для них, общее место (по крайней мере в момент «соприкосновения»). Выходит, что идеи могут иметь место в пространстве, но не в трехмерном, а, возможно, в 0-мерном пространстве. Хотя у Платона нет письменно зафиксированных соображений на этот счет, напрашивается предположение, что 0-мерное пространство может сгодиться и для обитания самого ума. Ведь такое пространство, в отличие от трехмерной формы его проявления, как и идеи, не имеет протяжения, и в отношении к трехмерному пространству оно существует и везде и нигде по преимуществу и ведет себя так же, как ведут идеи по отношению ко

Пространственно выраженными формами бытия философия занималась с момента своего появления, но сущность пространства довольно долго находилась вне поля зрения философов. Пифагорейцы, правда, пытались найти оптимальные формы структурирования пространства, однако сведения об их изысканиях столь скупы, что не позволяют составить достаточно определенную картину. Пожалуй, одну из первых, но уже зрелую попытку интерпретации сущности пространства дал Платон. И, как ни странно, она до сих пор представляет большой интерес и для философии, и для науки, сохраняя свою методологическую значимость. Правда, стиль платоновского «Тимея» покажется крайне неудовлетворительным для того, кто хотел бы иметь дело с ясными теоретическими построениями и четкими понятиями. Сложное эзотерическое содержание Платон прячет за невзыскательный и нестрогий характер диалогического исследования и не спешит пояснять, возможно, наиболее спорные и не вполне ясные моменты своей доктрины. Самые интересные и сложные фрагменты способны допускать два и более правдоподобных толкований, отчего трактовка платоновской мысли вряд ли может претендовать на строгость и однозначность. Как бы там ни было, несмотря на все недостатки, чтение платоновского «Тимея» способно породить массу интересных ассоциаций и послужить импульсом для современных исследований пространства.

Как известно, пространство для Платона было далеко не рядовым понятием. Он определял его, наряду с умозрительным бытием, в качестве второго начала чувственно воспринимаемого мира, которое традиционно называют материей, но которое он таковой не считал. Стоит, пожалуй, согласиться с тем, что материей это начало может быть названо лишь условно, если, конечно, не отождествлять огульно и априорно материю со всем сущим. Если способом существования материи считать трехмерность, то пространство окажется более фундаментальной категорией, чем материя. Самому Платону это «понятие» представлялось довольно сложным и малопривлекательным для уяснения, а потому и терминологию, с помощью которой он его обозначает, нельзя назвать достаточно совершенной. Предполагая в этом начале два уровня, похожие на две причины, он называет их «восприемницей» и «кормилицей» всякого рождения (Тимей, 49а). «Восприемница» — это, по-видимому, собственно пространство, пространство само по себе, «место для всего рождающегося». А вот «кормилица» может множеству трехмерных вещей, в которых они пребывают. Возможно, находясь в исходном, первичном 0-мерном пространстве, идеи обладают «свободой» по отношению к производному трехмерному пространству и не подчиняются его законам: любая идея вся целиком присутствует одновременно во многих точках последнего, оставаясь единой, неделимой и не трехмерной.

быть понята уже как материал (материя), из которого возрастает все появляющееся.

Пространство («восприимница») — совсем не очевидное понятие, каким оно может показаться. Первое, что бросается в глаза при анализе пространства, — это его трехмерность. Однако нужно признать, что трехмерностью пространство не исчерпывается. Прежде всего оно обнаруживает себя просто как место. Любая вещь (не только трехмерная) занимает какое-то место, причем по мере вырастания или уменьшения вещи «растет» или «убывает» занимаемое ею место. Это место предстает чем-то сугубо пассивным и проницаемым, могущим быть совершенно любым (сообразно природе находящихся в нем вещей) и принимающим самые разные формы, размеры и даже размерности. К этому невольно склоняешься, когда обращаешь внимание на то, насколько разные вещи (трехмерные физические вещи, душа, ее образы и даже идеи³) могут находиться в одной точке пространства.

По мысли Платона, пространство следует считать природой вечной, неразрушимой, дающей место для всего рождающегося (Тимей, 52b), и тождественной, поскольку оно никогда не выходит за пределы своих возможностей (50b–c). Однако самое интересное и поучительное в анализе Платона состоит в следующем. Для того чтобы узнать сущность самого пространства, пространства как такового, он лишает его всех проявлений, освобождает от того, что наполняет собой пространство. Он рассматривает пространство в чистом виде, как если бы ни одной вещи не существовало. А будучи пустым (т. е. свободным от своих проявлений — от каких-либо в нем находящихся вещей), оно совершенно бесформенно⁴ и никогда не усваивает никакой формы, которая была бы подобна формам входящих в него вещей. Эту платоновскую мысль можно, конечно, понимать и так, что пространство не тождественно ни одной из форм конкретных чувственно воспринимаемых вещей и пяти правильных фигур, являющихся основой

³Между идеями (умом) и материальными предметами есть одно очень важное различие: в отличие от последних идеи совершенно лишены каких-либо количественных характеристик: веса, длины, ширины, высоты, объема и пр. А не имея величины, они не могут быть выражены средствами трехмерного пространства (лучше сказать, подчиняться трехмерному пространству), по существу представляющего собой величину. Но рассуждения и чувственный опыт показывают, что идеи каким-то образом связаны с трехмерностью и в ней присутствуют. Хоть идеи и не трехмерны, где-то они все же должны быть, раз они в каких-то предметах встречаются, а в каких-то — нет. Значит, что-то общее, единое у идей и вещей быть должно.

⁴То, чему суждено принимать в себя различные формы, лучше всего сделает это, если само будет лишено каких-либо форм, «как при выделывании благовонных притираний прежде всего заботятся о том, чтобы жидкость, в которой должны растворяться благовония, по возможности не имела своего запаха» (Платон. Тимей, 50e).

чувственно воспринимаемых стихий — земли, огня, воды и воздуха. Но не лишена основания также и такая трактовка данного отрывка, которая основывается на несколько расширительном толковании понятия формы вещи, а именно: ничто не мешает предположить, что под «формами входящих в нее вещей» вполне можно понимать не только конкретные способы их (вещей) трехмерной организации, но в конечном счете и саму форму трехмерности и определенной размерности вообще.⁵ Комментируя это предположение, можно допустить, что платоновское пространство и не трехмерно, и не двухмерно, и вообще лишено какой-либо определенной положительной (больше нуля) размерности; положительную размерность имеют только вещи, входящие в пространство (например, в одну и ту же точку пространства должны быть помещены трехмерное тело и нетрехмерная душа). А для того чтобы иметь возможность вмещать в себя разномерность тех или иных предметов, пространство само по себе должно быть безмерным, или, что то же самое, 0-мерным. Принимая в себя любые оттиски, говорит Платон, оно порождает *кажимость, будто* в разное время *бывает разным*.

Наивно полагать, что такое пространство воспринимаемо чувствами, ибо, взятое само по себе, в чистом виде (как пустота), оно не имеет границ, размеров, очертаний, придающих чему бы то ни было упругость, непроницаемость и потому необходимых для наших органов чувств. Оно не доступно не только для чувственности, но и для знания, а обнаруживается посредством некоего незаконного умозаключения, как бы в грезах, и поверить в него почти невозможно (Тимей, 52b).⁶

Само по себе взятое, помимо формы каждой конкретной вещи, пространство точно, не имеет измерений и координат; если из него удалить (пусть даже мысленно) все вещи, то от привычно понимаемого пространства не останется ничего: оно не будет иметь ни середины,

⁵В таком расширении нет ничего предосудительного, поскольку неподobie пространства формам вещей может быть и на уровне чувственно воспринимаемых качеств, и на уровне их пространственной организации. Ведь вещи подобны друг другу в том числе и как трехмерные, а пространство «не усваивает *никакой* (курсив наш. — С. Л.) формы, которая была бы подобна формам входящих в нее вещей» (Платон. Тимей, 50b). А то, что Платон задумывался о разнообразных размерностях и даже размышлял о способах их моделирования, подтверждается текстом «Тимея». В одном месте диалога он говорит, «что если бы телу Вселенной надлежало стать простой плоскостью без глубины, было бы достаточно одного среднего члена для сопряжения его самого с крайними. Однако оно должно стать трехмерным, а трехмерные предметы никогда не сопрягаются через один средний член, но всегда через два» (Там же, 32a–b).

⁶Незаконность умозаключения состоит, по-видимому, в том, что ум здесь вынужден мыслить то, что мыслить не может, не вступая в противоречие с самим собой (ведь он же не может мыслить несущее).

ни краев, как любили выражаться античные философы, говоря о не-сущем.

Будучи бесформенным и ничем конкретно, пространство все же не есть абсолютное ничто; в сравнении с последним, даже 0-мерность пространства есть величина положительная. Оно пластично, и его природа такова, что оно способно стать всем, будучи одним. Пространство есть чистая возможность любых форм (и измерений), оно в возможности есть все, точнее, оно есть возможность всего, чистая возможность всего, возможность места для чего-то возникающего, можно сказать, место для места.

Помимо и до вещей пространство представляет собой чистое количество,⁷ а не какую-то определенную величину, поэтому в нем совпадают максимум и минимум, 0-мерность и безмерность, беспредельность и точка, которая не имеет никакой величины. Чистое пространство может стать сколь угодно большим и вмещающим бессчетное множество предметов, а может быть и бесконечно малым, не имея места даже для самого себя и являясь, по сути, лишь возможностью места, лишь потенциальной формой бытия. Такое чистое пространство неправильно представлять в виде уже готового места для всего остального, наподобие гигантского резервуара; как таковое оно не существует, оно суть только возможность места, место в возможности. Эту беспредельную точку можно «раздуть», «растянуть» до любых размеров с помощью каких-то точек опоры и придать любую форму, но в самом себе оно таких точек не имеет. В своем чистом виде это пространство является лишь возможностью всего, но при этом не может считаться чьей-либо действительностью. Именно поэтому Платон называл пространство «восприимницей» всякого рождения, дающей место для чего-либо появляющегося и не сопротивляющейся никакому из возможных определений и никакой из размерностей. Таким пространством было до появления того, что рождено чувственно воспринимаемым, — земли, воздуха, огня, воды и продуктов их взаимодействия (т. е. всего многообразия чувственных предметов), либо даже самой непосредственной основы этих стихий (Тимей, 51a), под которой логично понимать правильные геометрические фигуры — тетраэдр, октаэдр, куб и икосаэдр.

Итак, пространство может быть понято как возможность любого измерения, 0-мерная (безмерная) «точка», ничто, являющееся силой принять в себя любую форму (стать любой размерностью). Простран-

⁷ Аристотель утверждал, что Платон называл свою материальную причину «большое и малое» (см., напр.: *Аристотель*. Метафизика, 987b 20). «Большое и малое» без указания каких-то границ, какой-то определенности, есть, конечно, просто количество, чистое количество, любая «точка» которого и мала и велика одновременно.

ство есть сила принятия в себя, но не становления, формирования вещи и ее места. Следовательно, чтобы понять природу размерности, коль скоро последняя не формируется самим пространством, следует обратиться к «кормилице».

То, из чего возникают чувственно воспринимаемые вещи, Платон отказывается считать традиционными стихиями — огнем, воздухом, водой и землей. По его представлениям, они не изначальны, а производны. На их производный характер указывает хотя бы тот факт, что эти стихии превращаются друг в друга, теряют собственный вид и принимают вид иной. «Когда мы видим, — говорит Платон, — как нечто — хотя бы огонь — постоянно являет себя то одним, то другим, надо говорить не об „этом“, а о „таком“» (Тимей, 49d). Иными словами, огонь не следует считать самостоятельной и неизменной сущностью, его стоит рассматривать лишь как форму выражения чего-то иного, какой-то другой сущности, отличной от огня и от того, во что он превращается. Лишь то, что не меняется в этих превращениях, достойно называться сущностью (там же, 50a). Выше уже говорилось, что чувственно воспринимаемые стихии в сущности своей представляют результат взаимодействия элементарных объемных тел, имеющих формы четырех правильных геометрических фигур.⁸ Заметное глазу и ощущаемое иными способами «поведение» этих стихий (речь идет о большей или меньшей подвижности, текучести, жжении и т. п.) моделируется Платоном (вслед за пифагорейцами) с помощью особенностей строения указанных фигур.

Однако и сами объемные (трехмерные) фигуры совсем не изначальны, а производны и, можно предположить, созданы умом или с помощью ума.⁹ На их производный и разумный характер указывает то, что, во-первых, они разложимы (по крайней мере, теоретически) на более элементарные треугольники (надо думать, плоскостные, не объемные); во-вторых, построены разумно, с помощью чисел; а в-третьих, о них сказано, что они рождены (Тимей, 53b–c). А это значит, что трехмерность можно считать производной, видимо, от плоскостной реальности и даже (если вспомнить логику построения плоскости из линии и точки) от линейной и точечной. Однако сам Платон об этом ничего не говорит (хотя некоторая процессуальность в рассмотрении первых объемных фигур все-таки усматривается) и оставляет читателя один на один с двусмысленностью и недосказанностью. По-

⁸ Именно эти геометрические фигуры, составляющие структуру качеств воды, воздуха, огня и земли, Платон, видимо, и склонен был считать «кормилицей» рождающихся тел.

⁹ Ум не в силах создать саму возможность места, однако он в состоянии (конечно, с помощью души) формировать размерность, по крайней мере плоскостную и объемную.

следний вынужден ломать голову над тем, как же, в конце концов, понимать создание объемных фигур из плоскостных треугольников? Что собой представляют и из чего созданы сами эти треугольники, из которых складываются тетраэдры и т. п.? Что понимать под объемными фигурами, сложенными из плоскостных треугольников? Как *физически* представить плоскость, линию и точку, не рассматривая их объемно, или, что то же самое, как должны себя вести плоскость и т. д., чтобы объемное тело было непроницаемо, тяжело и обладало всеми физическими параметрами?

К сожалению, у Платона ответов на эти вопросы не найти, видимо, не только потому, что самое сокровенное содержание приберегалось для самых сокровенных бесед, но, скорее всего, из-за характера его мышления. Платоновское мышление статично, картинно, геометрично, и ему с большим трудом дается изображение процессов. И это не только особенность Платона, а характерная черта античного мышления вообще. Приходится удивляться, насколько это мышление было экстравертировано и зависело от внешнего. Так, античные философы не рассматривали душу как реальность сугубо внутреннего порядка, как нечто субъективное, а изображали ее исключительно внешним способом — в виде тела или совокупности взаимодействующих тел. Главное свойство души для них — это способность *внешне* заметным способом приводить в движение *внешние же* тела. Даже платоновская идея («вид», «внешний вид») производна от внешности предметного мира. Нечто подобное можно сказать и о силе, толкуемой ими в качестве причины внешнего перемещения уже готовых предметов (таковы силы «любви» — притяжения и «вражды» — отталкивания), а не как создательницы самой «внешности».

Вот и пространство, его возможные измерения, а главное, переход (пусть даже гипотетический) от одних измерений к другим Платон мыслит статически, геометрически, а не динамически, не с помощью силы. Он оперирует готовыми плоскостями и объемами, а не силами, создающими эти объемы; у него все готово для описания перехода от одних размерностей к другим, но нет созидающего начала, нет источника движения. Платон не может обойтись без уже заранее данных заготовок — плоскостей, линий и точек. Он не видит возможности интерпретировать, например, линию как геометрический способ существования силы-точки,¹⁰ в плоскости не усматривает замкнутость на себя, «изогнутость» силы («линейной силы»), а в объеме — изогнутость, скрученность плоскости (в конечном счете, все ту же силу).

¹⁰Как знать, может быть, не зря пифагорейцы двойку и ее геометрическое выражение — линию — называли «порыв», «дерзание», сообщая линии импульсивный, динамический характер.

Тогда сила предстала бы в качестве средства созидания размерностей вообще и трехмерности в частности, а объемность тел вполне можно было бы рассматривать как самозамкнутую «изогнутость» силы. Вообще, сила — очень выгодное для теории пространства понятие. Ее потенциальное, не обнаруженное состояние не имеет четко фиксированных количественных характеристик, пока не реализуется во вне и не совершит работу, и потому совпадает по некоторым своим параметрам с сущностью пространства: они оба представляют собой лишь потенциальную форму бытия, т. е. бытие в возможности. Пространство при некотором сближении с понятием силы могло бы предстать не как пассивное ожидание каких-то форм, а как сила, могущая при определенном руководстве (со стороны ума, дающего точки опоры и направления действия силы в виде чисел и идей) сама становиться любой из возможных размерностей.

Как уже отмечалось, вполне можно предположить (хотя сам Платон об этом не говорит), что рождение размерностей (элементарных объемных тел) связано с упорядочивающей деятельностью ума, который гармонизировал потенции пространства с помощью образов и чисел. Числа занимали в учении Платона среднее положение между идеями и пространством и служили для упорядочивания последнего, поскольку внести определенность в чистое количество можно только с помощью чисел. Они утверждают в динамической пустоте множественность, точнее, единство многого и этим создают протяженность; будь платоновская картина мира более динамичной, числа могли бы в ней направлять и определять развертывание сил и тем самым управлять созданием размерностей. Они тогда как бы «раздували», «растягивали» пространство по определенным законам и придавали ему конкретную форму. Без чисел, а следовательно, без деятельности ума пространство так и осталось бы чистой возможностью всего и ничем конкретным, существуя лишь потенциально. Упорядочивание потенций, по сути, было бы созданием размерностей и конкретных вещей.

Нельзя, однако, не заметить, что чистого пространства и ума с его идеями было далеко недостаточно для конструирования размерностей и вещей. Пространство и сфера умозрительного бытия не в состоянии активно и непосредственно взаимодействовать друг с другом в этом направлении (ибо совсем не одно и то же, — пребывать в 0-мерном пространстве и создавать положительные измерения). Слишком безынициативны в этом плане самодостаточное, ни к чему не стремящееся бытие и пассивная возможность. Идеи, числа и пространство сами по себе лишены активности. Ум не в силах действовать количественно, протяженно, а пространство не способно к самостоятельному действию вообще. Для того чтобы привести их во взаимодействие

друг с другом, требовалась некая сила, которая ради выполнения этой задачи объединила бы в самой себе и идейные, и пространственные параметры. Получилось, что функцию такого посредника в платоновской философии выполняла космическая душа.

Понятие души весьма значимо для Платона и с концептуальной и с методологической точек зрения.¹¹ Она представлялась ему самостоятельной сущностью, имеющей единый вид (идею), в котором слились воедино элементы, с одной стороны, вечно тождественного и неделимого, и с другой — претерпевающего разделение в телах. Одно и многое, тождественное и различное, идеи и пространство, хотя и вошли в душу в качестве ее элементов, но как бы «переплавились», потеряли свою самобытность и слились в непосредственное единство, утратив свою самостоятельность. Теперь и ум и пространство существуют в другом (в душе), реализуются посредством другого (ум воплощается, пространство наполняется), и это другое есть действительность, по крайней мере, пространства. Там, где надлежит быть космосу, есть лишь одушевленные ум и пространство, или, иначе, есть только умная и протяженная душа.¹² Она сама суть пространство, место и для идей, и для физического пространства, и для чувственно воспринимаемых вещей. Она, хотя и невещественна, но протяженна, хотя и пространственна, но не телесна, а мысленна. Соединяя в себе черты умозрительного и пространственного (трехмерного и иномерного), душа являла собой фактический синтез взаимоисключающих свойств: от умозрительного ею унаследована невещественность, мыслимое бытие, поэтому она является совершенно бестелесной, незримой и не подчиняющейся законам трехмерности; но ей не чужда и пространственная (трехмерная) форма бытия, «имение места».¹³ Поэтому Платон

¹¹ Душа в философии Платона — не рядовое понятие, и значение оно имеет не только онтологическое, но и методологическое. Именно с его помощью Платону удается разрешить те трудности апорийного характера, которые появились в Академии в результате допущения существования идей и которые свидетельствовали о несовместимости самостоятельно сущих, неделимых, единых идей и множества вещей, содержащих в себе эти идеи. Наличное бытие души, ее легко наблюдаемые свойства любому покажут, что в душе непосредственно отождествлены единое и многое. Каждый может усмотреть присутствие себя самого в любой точке своего множественного тела. В живом существе одна единая душа присутствует одновременно во всех точках множественного тела, не переставая быть единой и не отделяясь от самой себя.

¹² Душа по отношению к уму выполняет функцию, похожую на ту, какая характерна для пространства в его отношении к конкретным вещам, а именно: душа является пространством для ума, она дает ему место. Ум, по представлениям Платона, не может обитать ни в чем, кроме души (см.: Платон. Тимей, 30b).

¹³ Психическая реальность человеческого бытия и в самом деле представляет собой весьма парадоксальную форму единства несоединимых вещей — идей и трехмерного пространства. Невещественная душа, непротяженные понятия, нетелесная логика — все это, не имеющее пространственных параметров, находится, тем

счел возможным придать бестелесной душе пространственные характеристики, поместил ее в центре космического тела, «откуда распространил ее по всему протяжению и в придачу облек ею тело извне» (Тимей, 346).

Объективно душа вырисовывается в учении у Платона в качестве начала динамического, силового. Она стремительна и порывиста, является средоточием разнообразных желаний и стремлений, в себе самой содержит источник своего собственного движения. Ее-то и можно было бы трактовать как ту силу, которая «раздувает», «растягивает» пространство, формирует в нем положительные измерения (больше 0). Ведь душа понималась Платоном как реальность, безусловно первичная по отношению к материальным телам, и в ней легко можно было усмотреть орудие их созидания. Именно она, действуя бессознательно, могла бы непосредственно создавать вещи. В ней сосредоточена информация идейного характера: запрограммирован внешний вид возникающего существа (вещи), важнейшие формы его деятельности и способности (задатки), существеннейшие количественные параметры (выраженные в числах). Она могла бы быть той силой, которая бессознательно формирует размерности и вещество в соответствии с определенной программой (идеей). Она-то, конечно, смогла бы, если бы имела иной статус. Ведь в иерархии элементов платоновского мироустройства душа занимает совсем не исходное, а производное положение. Поэтому остается неясным, взаимодействует ли эта сила-душа с уже готовым веществом (объемами, плоскостями), или же она сама это вещество и создает. А если душа не создает размерностей, не вносит определенности в «большое и малое», то получается, что реальности, могущей фактически создать мир и действовать как творец, у Платона нет. Ум порождает идеи, но не действует физически, количественно; пространство есть сила вмещать в себя (количество), но не создавать, поскольку чистое количество не имеет в себе определенности (числа); душа являет собой созидающую, но производную силу. И хотя практически все элементы, необходимые для понимания и моделирования физического (протяженного) бытия, налицо,¹⁴ отсут-

не менее, в пространстве: они существуют в душе конкретного человека, занимающего определенное пространство, перемещаются вместе с ним из одной точки пространства в другую и т.д. Душа есть *умозрительная протяженность*, или протяженность умозрительного. В ней идея простирается, а протяженность идеализируется (человек ведь может представить себе некоторое расстояние, например, в сто метров, и это расстояние (представление расстояния) не будет иметь никакой величины).

¹⁴Здесь есть пространство как сила восприятия в себя любых определений, как место и возможность всего. Здесь есть идеи как цели-образы, к которым должна стремиться сила (ведь сила не может ни к чему не стремиться; тогда она будет только потенцией и не будет действительностью; то, к чему стремиться сила, и

ствует сама физичность, процессуальность. Чтобы привести все эти элементы в движение, Платону как бы не хватает понятия, способного вместить указанные элементы в себя в качестве самим собой произведенных состояний и обладающего в придачу искомой первичностью. (Кстати, роль такого начала с успехом могло бы сыграть понятие духа, для которого сила является существеннейшей характеристикой.) Без такого понятия процесс созидания физического мира весьма напоминает зеноновское изображение движения в виде суммы моментов покоя.

И тем не менее платоновское учение о пространстве, невзирая на некоторые недостатки, чрезвычайно глубоко. Огромная заслуга Платона состояла уже хотя бы в том, чтобы эти элементы наметить и проанализировать. Однако без понятия первичной силы эти элементы так и остались в виде заготовок.

Н. Н. СТАДНИК

ОСОБЕННОСТИ КОСМОГОНИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ В УЧЕНИИ ПЛАТОНА

В познании природы античными философами можно с достаточной долей условности выделить три этапа. Каждый из них характеризуется своим пониманием бытийного статуса природы, связанным с определенным соотношением религиозно-мифологического, философского и научного компонентов в познавательной деятельности.

Природа на самом раннем этапе древнегреческой философии предстает как нечто, еще не вычлененное из общей бытийной связи. Такое понимание природы обусловлено единством религиозно-мифологических, философских и научных представлений.

Второй этап характеризуется четким различием между указанными компонентами античного знания, их отделением друг от друга и осознанием значимости каждого из них. Между религиозно-мифологическими представлениями, философскими идеями и элементами собственно научного знания теперь устанавливается связь иного рода, которой свойствен не синкретизм, не отношения нерасчлененного единства, а отношения соподчинения, определенной иерархии.

Основные черты этого периода и представлены в учении Платона. В его философии конкретные явления, чувственная реальность (есть что-то вроде ее цели). Здесь есть также и числа, регламентирующие количественную сторону силового выражения. Нет здесь лишь первичного силового начала.

© Н. Н. Стадник, 2002